

Приключения Тома Сойера

Марк Твен

Том Сойер за границей

1894

Твен М.

Том Сойер за границей / М. Твен — 1894 — (Приключения Тома Сойера)

Приключения Тома Сойера продолжают! На этот раз неспокойствие Том решает отправиться за границу, чтобы разбогатеть и стать независимым. Друзья Тома тоже мечтают об этом, и он быстро собирает вокруг себя желающих составить ему компанию. Итак, мальчишки отправляются в дальние странствия...

Содержание

ГЛАВА I. ТОМ ИЩЕТ НОВЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ	5
ГЛАВА II. ПОДЪЕМ ВОЗДУШНОГО ШАРА	10
ГЛАВА III. ТОМ ОБЪЯСНЯЕТ	14
ГЛАВА IV. БУРЯ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Марк ТВЕН

ТОМ СОЙЕР ЗА ГРАНИЦЕЙ

ГЛАВА I. ТОМ ИЩЕТ НОВЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Вы думаете, Том уgomонился после всех приключений, которые были с нами на реке, – ну, тех, когда мы освободили негра Джима и когда Тому прострелили ногу? Ничуть не бывало. Он еще больше разошелся, только и всего. Понимаете, когда мы все трое вернулись с реки героями, воротились, так сказать, из долгих странствий, и когда все жители поселка вышли встречать нас с факелами и произносили речи и кричали «ура», а некоторые так даже напились пьяные, понятно, мы все прослыли героями. Ну а Тому, известно, только того и надо.

Правда, ненадолго он и впрямь уgomонился. Все с ним носились, а он себе знай расхаживает по улицам, задрав нос кверху, точно весь поселок принадлежит ему. Кое-кто даже стал называть его Том Сойер-Путешественник. Ну, понятно, тут он и вовсе чуть не лопнул от спеси. На нас с Джимом он и смотреть не хотел ведь мы просто спустились вниз по реке на плоту и только вверх поднялись на пароходе; ну а Том – он и туда и обратно на пароходе ехал. Все наши мальчишки страшно завидовали мне и Джиму, а уж Тому они просто пятки готовы были лизать.

Н-да, прямо не знаю, может, он на этом и успокоился бы, если б только не Нат Парсонс, наш почтмейстер, – знаете, такой тощий, долговязый, лысый старикашка. Нат был человек добродушный и глуповатый, а уж болтливее его я в жизни никого не видывал. Ну и вот, этот самый Нат за последние тридцать лет единственный во всем поселке заслужил себе такую репутацию, то есть я хочу сказать, репутацию путешественника, и, понятно, до смерти возгордился. Говорят, он за эти тридцать лет не меньше миллиона раз распространялся о своем путешествии и страшно гордился своими рассказами. А тут вдруг откуда ни возьмись является мальчишка, которому еще и пятнадцати-то не исполнялось, и весь поселок, разинув рот, восхищается его путешествиями. Ясно, что бедного старикашку всего корезить начинает от такого дела. Ему просто тошно было слушать рассказы Тома и аханье: "Вот здорово!", "Нет, вы только послушайте!", "Чудеса, да и только!" и всякое тому подобное. Но деться ему было некуда, все равно как мухе, у которой задняя лапка в патоке завязла. И вот всякий раз, стоит только Тому сделать передышку, глядишь, несчастный старикан уж тут как тут, расписывает свои облезлые путешествия, как только может. Впрочем, они уже всем порядком надоели, да и вообще-то немногого стоили, так что просто смотреть на него было жалко. Тут Том снова принимается рассказывать, старик за ним, и так далее и тому подобное; иной раз часами стараются друг друга за пояс заткнуть.

А путешествие Ната Парсонса вот с чего началось. Когда он только поступил в почтмейстеры и был совсем новичком в этом деле, приходит однажды письмо, а кому – неизвестно, во всем поселке такой человек отродясь не жывал. Ну вот, он и не знал, что тут делать да как тут быть. А письмо все лежит. Лежит неделю, лежит другую, – от одного вида этого письма у Ната начинались колики. К тому же письмо было доплатное – без марки, а взыскать эти десять центов не с кого. Вот Нат и решил, что правительство сочтет, будто он во всем виноват, да и прогонит его с должности, когда узнает, что он не взыскал эти деньги. В конце концов Нат не выдержал. Он не мог ни спать, ни есть, исхудал как тень, но посоветоваться ни с кем не посмел: вдруг этот самый человек возьмет да и донесет правительству про письмо. Запрятал он его под половицу, но опять без толку: чуть увидит, что кто-нибудь наступил на это место, так его сразу в дрожь бросает. "Неспроста это", – думает он про себя. И сидит он, бывало, до глубокой ночи, ждет, покуда все огни погаснут и весь поселок затихнет, а после прокрадется в

контору, вытаскивает письмо и прячет его в другое место. Народ, понятно, стал избегать Ната. Все качали головами да перешептывались – по всему его виду и поступкам выходило, что он либо убил кого-нибудь, либо еще бог весть чего наделал. И будь он не своим, а приезжим, его бы уж наверняка линчевали.

Ну вот, значит, как я уже говорил, не мог Нат больше вытерпеть и решил он отправиться в Вашингтон, пойти прямо к президенту Соединенных Штатов и чистосердечно во всем признаться, а потом вынуть письмо, положить его перед всем правительством и сказать:

"Вот оно. Делайте со мной, что хотите, только, видит бог, я ни в чем не виноват и не заслужил наказания по всей строгости закона, и у меня осталась семья, которая теперь помрет с голоду, хоть она тут ни при чем, и я готов присягнуть, что все это правда".

Так он и сделал. Он путешествовал немножко на пароход, немножко в дилижансе, но большую часть пути проделал верхом и за три недели добрался до Вашингтона. Он проехал много миль, видел множество разных поселков и четыре больших города. Ната не было почти два месяца, а когда он вернулся, то стал спесивее всех в поселке. Путешествия сделали его самым великим человеком в округе. Все только о нем и говорили, народ съезжался издалека – за тридцать миль и даже из долины реки Иллинойс, чтобы только поглядеть на него. И все, бывало, стоят разинув рты, а он знай себе болтает. Вы в жизни ничего подобного не видывали.

Ну вот, значит, не было никакой возможности решить, кто же самый великий путешественник. Одни говорили, что Нат, другие – что Том. Все признали, что Нат проехал больше по долготе, но им пришлось согласиться, что Том хоть и уступал Нату в долготе, зато перещеголял его по части широты и климата. Значит, получилась ничья. Вот обоим и приходилось всячески расписывать свои опасные приключения, чтобы хоть как-нибудь одержать верх. Парсонсу трудновато было тягаться с простреленной ногой Тома, и, как он ни пыжился, все равно ничего у него не получалось: ведь Том не сидел на месте, как полагалось ему по справедливости, а поминутно вскакивал и, прихрамывая, ковылял взад-вперед, куда Нат рассказывал про свои вашингтонские приключения. Том ведь все хромал, хотя нога-то у него давным-давно зажила. По вечерам он даже упражнялся дома, чтобы не разучиться, и хромал ничуть не хуже, чем с самого начала.

А с Натом вот что приключилось. Не знаю, правда ли это, может, он это в газете вычитал или еще где-нибудь, да только, надо отдать ему справедливость, он здорово обо всем рассказывал. Всех прямо мороз по коже подирал, да и у самого Ната дух захватывало, и он побелел, как полотно, а женщины и девицы те прямо чуть в обморок не падали. Ну вот, значит, дело было так.

Прискакал он в Вашингтон, поставил лошадь в конюшню и явился со своим письмом прямо на дом к президенту. Там ему говорят, что президент сейчас в Капитолии и как раз собирается ехать в Филадельфию, так что если он хочет застать его, то пускай ни минуты не медлит. Тут Нату просто дурно стало. Лошади-то при нем нету, и он прямо не знает, что делать. Вдруг откуда ни возьмись подъезжает какой-то негр в старой, обшарпанной карете. Нат не растерялся. Кинулся он к негру, да как заорет:

– Полдоллара, если ты доставишь меня к Капитолию за полчаса, и еще четверть доллара в придачу, если довезешь меня за двадцать минут!

– Идет! – отвечает негр.

Нат вскочил в карету, захлопнул дверцу, и они со страшным грохотом и треском понеслись вперед по самой скверной дороге, какая только есть на свете. Нат просунул руку в петли, вцепился в них что было силы, но вдруг карета наткнется на камень, взлетает в воздух дно у нее отваливается, а когда она снова упала вниз ноги Ната очутились на земле, и он видит, что если не поспеет за клячами, то тут ему и крышка. Он до смерти перепугался, однако взялся за дело не за страх а за совесть: уцепился за петли, ноги у него так и замелькали. Бежит он во весь

дух и что есть силы орет кучеру: останови, мол; да и народ на улицах тоже вопит – ведь все видят, как он под каретой ногами перебирает, а голова и плечи, из окон видать, внутри болтаются, и все понимают, какая страшная грозит ему опасность. А кучер-то – чем громче люди кричат, тем громче он гикает, пуще прежнего понукает своих кляч, а сам орет не своим голосом: "Вы не бойтесь, хозяин, уж я вас к сроку доставлю, вы не беспокойтесь!" Ему-то кажется, будто все его погоняют, и понятно – он из-за своего крика ничего расслышать не может. И вот таким порядком несутся они вперед, и тот, кто это видит, просто холодеет от ужаса, а когда они, наконец, подъехали к Капитолию, то все сказали, что еще никто никогда так быстро не ездил. Лошади стали. Нат в полном изнеможении свалился наземь, а когда его вытащили, он был весь в пыли, в лохмотьях и босой, но зато он успел как раз вовремя, захватил президента, вручил ему письмо, и все вышло как следует президент тут же его помиловал; Нат дал негру полдоллара прибавки вместо четверти – он ведь понимал, что, не будь этой кареты, ему бы ни за что не попасть туда к сроку.

Да, это было замечательное приключение, и Тому Сойеру приходилось всячески козырять своей раной, чтобы не ударить лицом в грязь.

Так вот, мало-помалу слава Тома начала меркнуть, потому что у людей появились новые темы для разговоров – сперва скачки, потом пожар, потом цирк, потом большой аукцион невольников, а сверх всего затмение. Ну, и тут, как всегда бывает в подобных случаях, устроили молитвенное собрание, и уж теперь никто больше не говорил о Томе, а он просто вне себя был от возмущения.

Вскоре Том совсем загрустил и целыми днями ходил как потерянный, а когда я стал спрашивать, из-за чего он так мается, он сказал, что у него скоро сердце разорвется от тоски: годы, мол, идут, он стареет, никто нигде не воюет, и не видит он никакого способа покрыть себя славой. Сказать по правде, все мальчишки про себя так думают, но я никогда еще не слышал, чтобы кто-нибудь да прямо так и заявил об этом.

Ну вот он и принялся выдумывать разные планы, как бы ему стать знаменитостью. И очень скоро его осенило, и он предложил принять меня и Джима. Том Сойер всегда был человеком щедрым и великодушным. Есть много ребят, которые подлизываются к тебе, если у тебя что-нибудь хорошее завелось, но когда им самим случится наткнуться на что-нибудь хорошее, они тебе ни слова не скажут, а постараются все это прикарманить. Но за Томом Сойером этого греха никогда не водилось.

Бывают же такие люди – начнет он ходить вокруг глотая слюнки, когда у тебя появилось яблоко, и выпрашивать огрызок, но уж если яблоко попало ему, а ты попросил огрызок у него и напомнил, как однажды тоже давал ему огрызок, он тебе такую рожу соорудит, да еще и скажет, что век будет тебя помнить, но вот только огрызка ты не получишь. Но, между прочим, я заметил, что им всегда за это воздается. Подождите – сами увидите. Том Гукер всегда так поступал, и что же? Не прошло и двух лет, как он утонул.

Ну вот, отправились мы в лес, и Том рассказал нам, что он придумал. Он придумал стать крестоносцем.

– А что это такое – крестоносец? – спрашиваю я.

Посмотрел он на меня с презрением, – он всегда так делает, если ему стыдно за человека, – и говорит:

– Гек Финн, неужто ты не знаешь, что такое крестоносец?

– Нет, – говорю я, – не знаю и знать не хочу. До сих пор я без них обходился и, как видишь, жив и здоров. Но как только ты мне скажешь, – я узнаю, вот и хорошо будет. Не понимаю, зачем стараться узнавать про разные вещи и ломать себе голову над ними, если они, может, никогда мне и не понадобятся? Вот, например, Ланс Уильямс. Научился он говорить на языке

индейцев чокто ¹, да только у нас тут никогда ни одного чокто не бывало, покуда не явился один – рыть ему могилу. Ну, так что же это такое – крестоносец? Но только я тебя предупреждаю: если на него требуется патент, то ты на нем много не заработаешь. Вот Билл Томпсон...

– Патент! – говорит он. – В жизни не видывал такого идиота. При чем тут патент? Крестоносцы ходили в крестовые походы.

"Уж не спятил ли он?" – подумал я было. Но нет, он был в полном сознании и спокойно продолжал:

– А крестовый поход – это война за то, чтобы отобрать Святую Землю ² у язычников.

– Какую имение Святую Землю?

– Ну, просто Святую Землю – она только одна и есть.

– А нам-то она на что?

– Да как же ты не понимаешь? Она находится в руках у язычников, и наш долг отобрать ее у них.

– А почему же мы позволили им захватить ее.

– Ничего мы им не позволяли. Они всегда ею владели.

– Ну, раз так, она их собственность. Разве нет?

– Разумеется, собственность. Разве я сказал, что нет?

Я немного подумал, но так и не уразумел, в чем тут дело.

– Знаешь, Том Сойер, уж этого я понять не могу. Если у меня есть ферма и она моя, а другой человек хочет ее отобрать, то разве справедливо будет, если он...

– Ох, ни черта ты не смыслишь, Гек Финн! Это же не ферма, это совсем другое. Видишь ли, дело вот в чем. Они владеют землей – просто землей – и больше ничем, но наши – евреи и христиане – сделали эту землю святой, так нечего им теперь ее осквернять. Мы ни минуты не должны терпеть такой позор. Мы обязаны немедленно отправиться в поход и отобрать ее у них.

– Н-да, в жизни не встречал я такого запутанного дела. Допустим, у меня есть ферма, а другой человек...

– Говорю тебе, что ферма тут совсем ни при чем. Фермерство – это самое обыкновенное дело, и больше ничего, а тут нечто возвышенное – тут замешана вера, а не какие-нибудь низменные занятия.

– А разве вера велит нам отбирать землю у людей, которым она принадлежит?

– Конечно! Так оно всегда и бывало.

Джим только головой покачал и говорит:

– Масса Том, я так думаю, что тут где-то ошибка, уж наверняка тут ошибка. Я сам человек верующий и много верующих людей знаю, да только не видал я никого, кто бы так поступал.

Тут Том совсем рассвирепел и сказал:

– От такой непроходимой тупости заболеть можно. Если б кто-нибудь из вас прочит что-нибудь по истории, вы бы узнали, что Ричард Львиное Сердце ³, и папа римский, и Готфрид Бульонский ⁴, и множество других благороднейших и благочестивейших людей больше двухсот лет подряд били и резали язычников, стараясь отобрать у них их землю, и все это время они по горло плавали в крови, и после всего этого здесь, в захолустье штата Миссури, нашлось два тупоголовых деревенских остолопа, которые вообразили, будто лучше их понимают, кто прав и кто виноват! Ну и нахальство же!

¹ Чокто (чоктавы) – племя североамериканских индейцев

² Святая Земля – Палестина

³ Ричард Львиное Сердце (1157-1199) – английский король (1189-1199), участник третьего крестового похода

⁴ Готфрид Бульонский (ок. 1060-1100)-герцог Нижней Лотарингии, один из руководителей первого крестового похода

Да, конечно, после этого все дело представилось нам совсем в другом свете, и мы с Джимом почувствовали себя очень неловко, и нам стыдно стало, что мы такие легкомысленные. Я совсем ничего не мог сказать, а Джим – он тоже помолчал немного, а потом и говорит:

– Ну, теперь, по-моему, все в порядке: уж если и они не знали, так нам, беднягам, и пробовать нечего разбираться. А раз это наш долг, мы должны взяться его исполнить и постараться как следует. Но, по правде говоря, мне так же жалко этих язычников, как и вам самому, масса Том. Очень трудно убивать людей, которых ты не знаешь и которые тебе ничего плохого не сделали. Вот в чем дело-то. Если б мы пришли к ним – мы все трое – и сказали, что мы голодны, и попросили чего-нибудь поесть, может, они такие же, как все другие люди, как вы думаете? Уж наверное они накормили бы нас, и тогда...

– Что тогда?

– Я, масса Том, вот как понимаю. Ничего у нас не выйдет. Мы не сможем убивать этих несчастных чужеземцев, которые ничего худого нам не делают, до тех пор, пока мы не поуспокоимся, – я это точно знаю, масса Том, совершенно точно. Но если мы возьмем парочку топоров – вы, и я, и Гек – и переправимся через реку нынче ночью, когда луна скроется, и вырежем ту большую семью, что живет возле Снай, и подожжем их дом, и...

– Ох, заткнись же ты наконец! У меня просто голова заболела. Не хочу я больше спорить с дураками вроде тебя и Гека Финна. Вечно вы не о том говорите, и не хватает у вас мозгов понять, что нельзя судить о чистом богословии с точки зрения законов об охране недвижимого имущества.

Но вот это уж было несправедливо со стороны Тома. Джим ничего худого не хотел сказать, и я тоже. Мы ведь отлично знали, что мы не правы, а он прав, и просто хотели уразуметь, в чем тут суть, вот и все. И единственная причина, почему он не мог объяснить все так, чтобы мы поняли, – это наше невежество, да, да, и тупость, я этого вовсе не отрицаю, да только разве мы в этом виноваты?

Но он и слушать больше не стал, сказал только, что если бы мы захотели как следует взяться за это дело, тогда он, Том, наорал бы тыщонку-другую рыцарей, заковал их с ног до головы в стальные латы, назначил меня лейтенантом, Джима маркитантом, сам принял верховное командование, смел всю шайку язычников в море, словно стаю мух, и в ореоле славы прошел бы триумфальным маршем по всему свету. Но уж если у нас не хватало разума воспользоваться этим случаем, он больше никогда нам ничего такого предлагать не станет. И не стал. Уж если он вобьет себе что-нибудь в голову, его ни за что с места не сдвинешь.

Ну да я на него не обиделся. Я человек миролюбивый и никогда не ссорюсь с людьми, которые мне ничего не сделали. Я так рассудил: если язычнику ничего не надо, то и мне ничего не надо. Ну и дело с концом.

Том взял этот план из книги Вальтера Скотта⁵ – он вечно ее перечитывал. По-моему, это довольно-таки дикий план, потому что ему бы ни за что не удалось набрать столько людей, а если бы даже и удалось, то его бы наверняка разбили в пух и прах.

Я взял эту книгу, прочел все, что там сказано, и, насколько я понял, туговато пришлось большинству из тех, кто бросил свои фермы и отправился в крестовый поход.

⁵ Крестовые походы описаны Вальтером Скоттом в романах «Талисман» (1825) и «Граф Роберт Парижский» (1832)

ГЛАВА II. ПОДЪЕМ ВОЗДУШНОГО ШАРА

Так вот, значит, Том придумывал один план за другим, но в каждом было какое-нибудь слабое место, и ему приходилось их бросать. Наконец он просто в отчаяние пришел. В это время газеты в Сент-Луисе много писали о воздушном шаре, который должен полететь в Европу, а Том начал подумывать, не отправиться ли ему туда посмотреть, что это за шар, да все никак не мог решиться. Однако газеты не унимались, и тогда ему пришло в голову, что если теперь не поехать, так, может, больше никогда не представится другого случая увидеть воздушный шар. К тому же он узнал, что Нат Парсонс едет туда, ну и, понятно, это решило дело. Ведь Нат Парсонс, когда вернется, непременно станет хвастать, что видел шар, и тогда ему, Тому, придется слушать да помалкивать, а уж этого он стерпеть не мог. Вот он и попросил меня и Джима поехать вместе с ним, и мы поехали.

Шар оказался замечательный – огромный, с крыльями, лопастями и разными тому подобными штуками, совсем непохожий на те шары, какие рисуют на картинках. Он был привязан на краю города, на пустыре, в конце Двенадцатой улицы, а кругом толпился народ, и все насмеялись над шаром и над его изобретателем – тощим, бледным малым, с глазами как у помещанного, – и все утверждали, что шар не полетит. Изобретатель приходил в ярость, бросался на них с кулаками и говорил, что они тупые скоты, однако наступит день, и они поймут, что им довелось встретить одного из тех, кто возвышает народы и создает цивилизацию, а у них не хватило мозгов это уразуметь. И тогда на этом самом месте их собственные дети и внуки воздвигнут ему памятник, который переживет века, а имя его переживет и самый памятник.

Тут народ снова начинал хохотать, орать и спрашивать, как была его фамилия до того, как он женился, сколько он возьмет, чтобы больше так не поступать, как звали бабушку кошки его сестры и разные тому подобные вещи, какие обычно говорит толпа, когда ей попадет паренёк, которого можно дразнить. Правду сказать, некоторые замечания были смешные и даже очень остроумные, но все равно это несправедливо и не слишком благородно, когда столько народу пристает к одному человеку, да притом когда все они такие бойкие на язык, а он и ответить-то толком не умеет. Да и в сущности-то, стоило ли ему огрызаться? Ему ведь от этого никакого проку, а им только и надо – попался простак на удочку. Но все равно он тут ничего поделывать не мог – такой уж был человек. Он был славный малый, а газеты писали, что он настоящий гений, но уж в этом-то он наверняка не виноват. Не могут же все быть здравомыслящими, приходится нам быть такими, какие мы есть от природы. Я так разумею: гении думают, что они все знают, и потому не слушают ничьих советов, а всегда поступают по-своему и из-за этого все люди их ненавидят и презирают. И ничего удивительного тут нет. Если б они были поскромнее, прислушивались к тому, что люди говорят, да старались научиться уму-разуму, то им же самим было бы лучше.

Та часть шара, в которой сидел профессор, была похожа на лодку. Она была большая, просторная, и по бокам в ней стояли водонепроницаемые ящики. В них хранились разные вещи, на них можно было сидеть, стелить постели и спать. Мы забрались в лодку. Там уже болталось человек двадцать, они всюду совали свой нос, все рассматривали; и старый Нат Парсонс тоже был тут как тут. Профессор возился с приготовлениями к отлету, и все стали друг за дружкой вылезать обратно на землю. Старый Нат шел позади. Ну а мы ведь не могли допустить, чтоб он остался после нас, вот мы и решили обождать, куда он уйдет, и вылезть последними.

Но вот уже Нат сошел на землю, и теперь наступил наш черед. Вдруг я услышал громкие крики, обернулся, смотрю – город стрелой улетает у нас из-под ног! Мне просто дурно сделалось, до того я перепугался. Джим стоит весь серый, слова вымолвить не может, а Том молчит, но вид у него вроде даже радостный. Город все уходил и уходил вниз, но нам казалось, будто мы не двигаемся, а просто висим в воздухе на одном месте. Дома становились все

меньше и меньше, город сжимался все теснее и теснее, люди и экипажи стали совсем крошечными, словно жуки или муравьи, улицы превратились в ниточки и трещинки. Потом все как будто растворилось, и вот уже и города нет – одно только большое пятно на поверхности земли осталось; и я подумал, что теперь наверняка все видно за тысячу миль вверх и вниз по реке, хотя, конечно, так далеко видеть нельзя. Мало-помалу земля превратилась в шар – в обыкновенный круглый шар какого-то тусклого цвета, а по шару вились и извивались блестящие полосы – реки. Вдова Дуглас вечно твердила, что земля круглая, как шар, но я никогда не придавал значения разным ее предрассудкам – их у нее целая куча, – и уж ясно, на этот раз я и вовсе внимания не обратил. Ведь я сам прекрасно видел, что земля имеет форму тарелки и что она плоская. Взберусь я, бывало, на гору, да и окину взглядом окрестность, чтоб самому в этом убедиться. По-моему, лучший способ составить себе правильное представление о каком-нибудь факте – никому на слово не верить, а пойти и посмотреть самому. Однако на этот раз мне пришлось признать, что вдова-то была права. Вернее, я хочу сказать, что она была права, когда говорила про всю землю, но она была не права, когда говорила про ту часть, где находится наш город. Эта часть имеет форму тарелки, и она плоская, честное слово!

Профессор все это время сидел тихо, как будто спал, но вдруг его прорвало. Он был ужасно зол и говорил что-то в таком роде:

– Идиоты! Они сказали, что он не полетит. Хотели все осмотреть, разнюхать и выведать у меня секрет. Но я их перехитрил. Никто, кроме меня, не знает секрета. Никто, кроме меня, не знает, что приводит его в движение. Это – новая энергия, новая энергия, в тысячу раз сильнее всего, что есть на земле! Пар чепуха по сравнению с ней! Они сказали, что мне не долететь до Европы. До Европы! Да тут у меня на борту хватит энергии на пять лет, а провизии у меня на три месяца запасено. Глупцы! Ничего они не понимают. Сказали, что мой воздушный корабль непрочен. Как бы не так! Он у меня пятьдесят лет выдержит! Стоит мне только захотеть, – и я всю жизнь буду летать в небесах, направляя свой путь, куда мне заблагорассудится, хотя они и смеялись надо мной и говорили, что ничего у меня не выйдет. Они говорили, что я не смогу управлять им! Поди сюда, мальчик, попробуем. Нажимай вот эти кнопки и слушай меня.

Профессор объяснил Тому, как управлять шаром, и вмиг научил его всему. Том сказал, что это очень просто. Потом он велел Тому спуститься почти до самой земли, и шар так низко летел над прериями Иллинойса, что мы могли разговаривать с фермерами и совершенно ясно слышали, что они отвечают. Он бросал им печатные листки, на которых было все написано про шар и про то, что мы летим в Европу. Том так наострился, что, бывало, направит курс на какое-нибудь дерево и держит так до тех пор, покуда, кажется, вот-вот налетит на него, но в этот самый миг он возьмет да и взмоет вверх и пронесется у него над самой верхушкой. А потом профессор научил Тома садиться на землю, и Том первоклассно проделал эту операцию и так ловко посадил шар посреди прерии, словно в пуховую перину сел. Однако только мы собрались спрыгнуть на землю, профессор как заорет:

– Нет! Не уходите! – и снова направил шар в воздух.

Ох, и жутко нам было! Я стал его упрашивать, и Джим тоже, но он еще пуще рассвирепел и смотрел на нас таким безумным взглядом, что я и вовсе струсил.

После этого он снова принялся перечислять свои невзгоды, ворчать и жаловаться, что над ним потешаются, и все никак не мог с этим примириться, особенно с тем, что люди сказали, будто шар непрочный. Он всячески глумился над ними и над их мнением, что шар очень сложно устроен и будет все время ломаться. Ломаться! Этого он и вовсе вынести не мог. Он заявил, что скорее вся солнечная система сломается. Он сердился все больше и больше. Я никогда не видел, чтобы человек так переживал. У меня просто мурашки по телу бегали, когда я смотрел на него, и у Джима тоже. Мало-помалу он начал кричать и вопить, потом стал божиться, что теперь он вообще никому не раскроет свой секрет, раз с ним так скверно обошлись. Он заявил, что облетит на своем шаре вокруг света – пусть все убедятся, на что он

способен, – а после утопит его в море, да и нас с ним вместе. Ох, и попали же мы в переделку! А тут еще ночь надвигалась.

В конце концов он дал нам поесть и велел перейти на другой конец лодки, а сам прилег на ящик, с которого можно было управлять всеми снастями, положил под голову свой пистолет и сказал, что пристрелит всякого, кто сделает попытку спустить шар на землю.

Мы сидели, тесно прижавшись друг к другу, и в головах у нас бродило много разных мыслей, но мы все время молчали, и лишь изредка кто-нибудь промолвит словечко-другое – когда уж совсем от страха выдержать не может. Ночь тянулась медленно-медленно. Мы летели довольно низко. В лунном свете все казалось таким приятным и красивым; виднелись славные, уютные сельские домики, слышались разные домашние звуки, и нам так хотелось попасть туда, но не тут-то было! Мы лишь проносились над ними, словно привидение, не оставляя за собой никаких следов.

Позднее ночью, когда даже по звукам, по воздуху и по запахам чувствовалось, что уже около двух часов, – так я по крайней мере думал, – Том проговорил:

– Профессор лежит очень тихо, он, наверное, уснул, и нам уже пора...

– Что пора? – спросил я шепотом и весь замер от страха, потому что догадался, о чем он думает.

– Пробраться туда, связать его и спустить шар на землю, – говорит Том.

– Нет уж, сэр, – отвечаю я ему, – сиди-ка ты смирно, Том Сойер, и выбрось это из головы.

А Джим – у него даже дух захватило, до того он был перепуган.

– О масса Том, – говорит он, – не надо! Стоит вам только к нему притронуться – и нам крышка, ей-богу, крышка! Я ни за что к нему не подойду, ни за что на свете! Масса Том, ведь он же совсем рехнулся.

Том зашептал:

– Вот потому-то мы и должны действовать. Если б он не рехнулся, я бы ни за что отсюда не ушел, ни за какие деньги. Я ведь уже привык к этому шару, и мне теперь даже не страшно отрываться от земли. Да, если б только он был в своем уме... Ясно, что ни один здравомыслящий человек не станет летать с сумасшедшим, который собирается облететь весь земной шар, а потом всех утопить. Мы должны действовать, а не ждать, покуда он проснется. Может, это наш последний шанс. Пошли!

Но у нас от таких слов только поджилки затряслись, и мы заявили, что не двинемся с места. Тогда Том сказал, что сам пойдет и посмотрит, нельзя ли подобраться к машине, которая управляет шаром, и спустить шар на землю. Напрасно мы просили и умоляли его не делать этого, он и слушать не хотел. Встал он на четвереньки и тихонько пополз вперед, а мы, затаив дыхание, следили за ним.

Добравшись до середины лодки, он пополз еще медленнее, так что мне казалось, будто он уже целый год ползет. Наконец мы увидели, что он добрался до головы профессора, осторожно приподнялся, долгим взглядом посмотрел ему в лицо и прислушался. Глядим – он уже ползет к профессорским ногам: там были рулевые кнопки. Туда он дополз благополучно и уже тихонько подбирался к кнопкам, как вдруг – бац! – что-то с шумом падает вниз. Том бросается ничком на дно и лежит, словно мертвый. Профессор пошевелился и спросил: "Что такое?" Но мы все молчим, словно воды в рот набрали, и тогда он начинает что-то бормотать и ворочаться, словно проснуться хочет, а я чувствую, что сию минуту помру со страху.

Тут как раз на луну нашла туча, и я чуть не закричал от радости. Луна все глубже и глубже запрягивалась в тучу, и стало так темно, что мы уже не могли разглядеть Тома. Вскоре стал накрапывать дождь, и мы услышали, как профессор возится со своими канатами и прочими приспособлениями и клянет погоду. Мы очень боялись, как бы он не прикоснулся к Тому – ведь тогда нам всем конец и помощи ждать неоткуда. Но Том уже полз обратно, и когда мы почувствовали, что он трогает руками наши колени, у меня сразу дыханье сперло, и сердце у

меня провалилось куда-то вниз к остальным внутренностям. Ведь в темноте-то я не мог разобрать – Том это или профессор, и, конечно, был уверен, что это именно профессор и есть.

Ох ты господи! Я был счастлив, что он вернулся, как только может быть счастлив человек, который оказался в воздухе с полоумным. В темноте нельзя спускать шар на землю, и потому мне очень хотелось, чтобы дождь шел как можно дольше и чтобы Том сидел на месте и перестал наводить на нас такой страх. Мое желание исполнилось. Дождь моросил всю ночь, – она вовсе не была такой длинной, как нам показалось, – а на рассвете небо прояснилось, и весь мир стал такой красивый, серенький и приятный, и так славно было снова увидеть поля и леса, и лошадей и коров, которые тихо стояли и думали о чем-то. А потом поднялось веселое, сверкающее солнце, и тут мы вдруг почувствовали, что нас совсем разморило от усталости, и не успел я оглянуться, как мы все уже спали.

ГЛАВА III. ТОМ ОБЪЯСНЯЕТ

Заснули мы часа в четыре, а проснулись около восьми. Профессор угрюмо сидел на корме. Он дал нам поесть, но велел оставаться на носу и не заходить дальше середины лодки.

Если человек был очень голоден, а потом вдруг наелся до отвала, то все сразу выглядит куда лучше, чем прежде, и на душе у него как-то легче становится, даже если он летит на воздушном шаре с гением. Мы даже разговаривать начали.

Меня очень беспокоил один вопрос, и в конце концов я сказал:

– Том, мы ведь на восток летели?

– На восток.

– А с какой скоростью?

– Ты же слышал, что профессор говорил, когда он тут бесновался. Он сказал, что иногда мы летим со скоростью пятьдесят миль в час, иногда девяносто, иногда сто, а если поднимется сильный ветер, скорость может достичь трехсот миль в час. Когда нам понадобится ветер, да к тому же попутный, мы должны подняться повыше или спуститься пониже – только и всего.

– Так я и думал. Профессор соврал.

– Как так?

– Да так. Если б мы летели с такой скоростью, мы бы уже давно пролетели Иллинойс, верно?

– Верно.

– Ну вот, а мы его еще не пролетели.

– А ты почему знаешь?

– Я по цвету узнал. Мы все еще находимся над Иллинойсом. Сам можешь убедиться, что Индианы пока не видно.

– Что с тобой, Гек? Уж не спятил ли ты? Разве можно штаты по цвету узнавать?

– Можно.

– Да при чем же тут цвет?

– При том! Иллинойс зеленый, а Индиана розовая. Ну-ка, покажи мне внизу что-нибудь розовое, если можешь. Нет, сэр, тут все зеленое.

– Индиана розовая? Что за чушь!

– Вовсе это не чушь, я сам видел на карте, что она розовая.

В жизни я еще не видывал, чтобы человек так возмущался.

– Знаешь, Гек Финн, – говорит он мне, – если б я был таким остолопом, как ты, я бы давно уже за борт прыгнул. Он на карте видел! Да неужто ты воображаешь, что каждый штат в природе такого же цвета, как на карте?

– Скажи-ка, Том Сойер, для чего, по-твоему, существует карта? Ведь она сообщает нам о фактах?

– Разумеется.

– Ну, а как же она может сообщать нам о фактах, если она все врет?

– Ох ты, болван несчастный! Ничего она не врет.

– Нет, врет!

– Нет, не врет!

– Ну ладно, если она не врет, тогда, значит, все штаты разного цвета. Что ты на это скажешь, Том Сойер?

Том видит, что он попал впросак, и Джим тоже это видит. Признаться, очень я обрадовался, потому что нелегко взять верх над Томом Сойером. Джим хлопнул себя по ляжке и говорит:

– Вот это здорово! Ничего не поделаешь, масса Том, заткнул он вас за пояс, что верно, то верно. – Тут он снова хлопает себя по ляжке и добавляет: – Ну до чего здорово!

Никогда я так не радовался. А ведь я вовсе не думал говорить что-нибудь умное – оно у меня само вырвалось. Я болтал, что в голову придет, и не думал ни о чем таком, как вдруг оно возьми да и выговорись. Они вовсе этого не ожидали, да я и сам тоже. Как будто человек жевал себе потихоньку кусок кукурузной лепешки, ни о чем не думая, и вдруг ему на зуб попадает алмаз. В первую минуту он обязательно подумает, что это просто камешек какой-нибудь, и до тех пор не догадается, что это алмаз, покуда не вытащит его изо рта, не счистит с него песок, крошки и прочую дрянь и не посмотрит на него. И как же он тут удивится, да и как обрадуется! Ну и, конечно, он будет страшно гордиться своей находкой, хотя, если как следует разобраться, то ясно, что особой заслуги тут нет, – ведь не занимался же он специально розысками алмазов. Подумайте немножко – и сами увидите, в чем тут разница.

Понимаете, такая случайная находка – это ерунда. Вот если вы его специально искали – тогда совсем другое дело. В такой кукурузной лепешке всякий нашел бы алмаз, но ведь и не всякому такая лепешка попадает. Вот в чем заслуга того парня, и вот в чем моя заслуга. Я вовсе не хочу сказать, что я какой-нибудь особенный человек; навряд ли мне бы это еще раз удалось, но в тот раз мне это удалось – вот и все, что я хочу сказать. И я совсем не подозревал, что способен на такую штуку, и совсем не думал о ней, даже и не пытался, – все равно как вот вы сейчас. Сидел я совсем тихо, тише воды, ниже травы – и вдруг ни с того ни с сего оно у меня вырывается.

Я часто вспоминаю об этом случае и отлично помню все, что было вокруг, как будто оно произошло неделю назад. Я и сейчас все это перед собой вижу: привольные поля, леса и озера на сотни миль кругом протянулись, города и поселки тут и там мелькают, профессор сидит за столом, склонившись над картой, а на снастях Томова шапка трепыхается – он ее туда на просушку повесил. А особенно запомнилась мне одна птичка – футах в десяти от нас. Она летела с нами в одну сторону и изо всех сил старалась не отстать, а мы ее все время обгоняли; да еще поезд, там внизу, – он тоже все гнался за нами: извивается между деревьями и фермами и знай себе выпускает из трубы длинную ленту черного дыма. А иногда из трубы вырывалось маленькое белое облачко, – ты уж давно позабыл о нем, как вдруг – чу! – до тебя еле-еле доносится коротенький, слабенький вздох... Да ведь это же паровозный свисток! Ну так вот, оставили мы и птичку и поезд далеко-далеко позади, – и между прочим, без всякого труда.

Но Том был не в духе. Сперва он заявил, что мы с Джимом слабоумные болтуны, а потом говорит:

– Предположим, художник рисует рыжего теленка и большого рыжего пса. Что он должен сделать прежде всего? Он должен нарисовать их так, чтобы ты мог сразу же отличить их друг от друга, стоит тебе только взглянуть. Понимаешь? Ну вот. Теперь скажи, нужно ли ему красить их обоих в рыжий цвет? Ясно, что нет. Вот он и покрасит одного из них в синий цвет, и уж тогда-то ты их не перепутаешь. То же самое с картой. Вот почему все штаты раскрашивают разными цветами: чтобы ты их не перепутал.

Однако я никак не мог понять, к чему он клонит, да и Джим тоже. Джим покачал головой и говорит:

– – Ах, масса Том, если б вы знали, до чего глупы эти художники, вы б еще подумали, стоит ли их брать, чтоб доказать какой-нибудь факт. Вот я вам сейчас расскажу, и тогда вы сами увидите. Смотрю я однажды – сидит себе один из них на задворках у Хэнка Уильямса и рисует. Подошел я к нему и вижу, что рисует он старую корову-пеструху – у нее еще один рог обломан, – да вы сами знаете, про какую я говорю. Спрашиваю, значит, я его, зачем он ее рисует, а он мне говорит, что когда нарисует, то получит за картину сто долларов. Масса Том, да ведь он же мог за пятнадцать долларов купить эту самую корову, и я ему так и сказал.

И представьте себе, сэр, он только головой покачал, художник-то этот, и знай малюет себе дальше. Ей-богу, масса Том, ничего-то они не понимают.

Тут Том просто из себя вышел. Я давно заметил, что так почти всегда бывает с человеком, которого переспорили. Он велел нам попритереть языки, может, говорит, мы тогда одумаемся. Вдруг он видит где-то там внизу городские часы, берет подозрную трубу, смотрит на них, потом смотрит на свою серебряную луковицу, потом снова на часы, а потом опять на луковицу и говорит:

– Странно! Эти часы почти на целый час вперед. Спрятал он свою луковицу, но вскоре заметил внизу еще одни часы, посмотрел на них, а они тоже на час вперед. Том очень удивился.

– Странно, – говорит, – не могу понять, в чем тут дело.

Взял он тогда подозрную трубу, разыскал еще одни часы, глянь – а они опять же на час вперед. Смотрю: у Тома глаза на лоб полезли, дыхание сперло.

– Черт возьми, – говорит он, – ведь это же долгота!

Тут я совсем перепугался.

– Что еще случилось? – говорю.

– Случилось то, что эта старая калоша одним махом пролетела над Иллинойсом, над Индианой и Огайо, а теперь мы уже находимся на восточном конце штата Пенсильвания или Нью-Йорк, или где-нибудь по соседству.

– Врешь!

– Честное слово! Со вчерашнего вечера мы продвинулись на пятнадцать градусов долготы от Сент-Луиса. Все эти часы идут верно. Мы уже почти восемьсот миль пролетели.

Я, конечно, не поверил, но все равно меня дрожь пробрала. Ведь я по собственному опыту знал: меньше чем за две недели так далеко даже на плоту вниз по Миссисипи не уедешь.

Джим между тем сидел в глубоком раздумье. Вдруг он спрашивает:

– Масса Том, вы сказали, что эти часы идут верно?

– Разумеется, верно.

– Но ведь ваши часы тоже идут верно?

– В Сент-Луисе они шли верно, а здесь они на час отстают.

– Масса Том, уж не хотите ли вы сказать, что время не везде одинаковое?

– Вот именно, что не везде.

Джим очень огорчился и говорит:

– Мне просто больно слушать, что вы так говорите, масса Том, мне просто стыдно слушать. А вы еще такое воспитание получили. Да, сэр, у тети Полли сердце разорвется, если она это услышит.

Том с изумлением поглядел на Джима, но ничего не ответил, а Джим продолжал:

– Масса Том, откуда взялись люди в Сент-Луисе? Их создал господь бог. Откуда взялись люди здесь, где мы сейчас находимся? Их тоже создал господь бог. Разве все они не дети божьи – и те и другие? Ясно, что да. Почему же он создал такую дискриминацию?

– Дискриминация! В жизни не видывал подобного невежества. Никакой тут дискриминации нет. Вот, например, он создал тебя и еще кое-кого из своих детей черными, а всех прочих белыми. Так как же ты это назовешь?

Джим понял, что крыть ему нечем. А Том и говорит:

– Вот видишь, он устраивает дискриминацию, когда ему вздумается. Но только тут дискриминацию устроил не бог, а человек. Господь бог создал день, и он создал ночь, но время изобрел не он, и не он распределил его между разными местами. Это сделал человек.

– Неужто, масса Том? Неужто это человек сделал?

– Разумеется, человек.

– А кто ж ему позволил?

– Никто. Он и не спрашивал вовсе.

Джим на минутку задумался, а потом произнес:

– Да, тут уж я молчу. Я бы так рисковать не стал. Есть же такие люди, которые ничего не боятся. Идут себе напролом и плюют на все. Выходит, что повсюду всегда на час разница, масса Том?

– На час? Ничего подобного! На каждый градус долготы разница в четыре минуты. Понятно? Пятнадцать градусов дают час, тридцать – два часа, и так далее. Например, когда в Англии уже вторник и час ночи, то в Нью-Йорке еще понедельник и всего восемь часов вечера.

Джим немного отодвинулся от Тома, и по всему видно было, что он обижен. Он сидел на своем ящике, покачивая головой, и что-то бормотал про себя. Я подошел к нему, погладил его по колену, приласкал. Мало-помалу он успокоился и говорит:

– Чтоб масса Том мог такое сказать! Вторник в одном месте, понедельник в другом, и все это в один день! Гек, здесь, наверху, не место для шуток. Два дня за один день! Как это ты засунешь два дня в один день? Разве можно засунуть два часа в один час? Или засунуть двоих негров в шкуру одного негра? Или влить кувшин виски в маленькую кружку? Нет, сэр, ничего у вас все равно не получится. Послушай, Гек, а вдруг этот вторник пришелся на новый год? Выходит тогда, в одном месте новый год, а в другом еще старый, и все это в одну и ту же минуту? Чушь несусветная – вот что это такое! Не могу я этого вытерпеть, не могу я слушать, когда такое говорят.

Тут он весь как задрожит, посерел прямо, А Том ему говорит:

– Да что с тобой? В чем дело?

Джим с трудом отвечает:

– Масса Том, ведь вы пошутили, правда? Ведь не бывает же такого на самом деле?

– Нет, я не шучу, так оно и есть.

Джим снова затрясся и говорит:

– Тогда, значит, если на тот понедельник придется светопреставление, то в Англии его вовсе не будет и мертвые не встанут из могил. Не надо нам туда ехать, масса Том. Пожалуйста, поверните эту штуку обратно, я хочу быть там, где...

В этот самый миг мы вдруг увидели такое, что сразу вскочили, забыв обо всем на свете, да так и застыло, вытаращив глаза.

Том промолвил:

– Да ведь это... – тут у него даже дух захватило. – Провалиться мне на этом месте! Да ведь это океан!

От таких слов у нас с Джимом тоже дух захватило. Стоим мы все как окаменелые, но зато счастливые, потому что никто из нас ни разу не видал океана и вовсе даже никогда не надеялся увидеть. А Том все приговаривает:

– Атлантический океан. Атлантика. Вот это здорово, нечего сказать! Это он, и на него смотрим мы. Мы, а не кто-нибудь! Прямо не верится, до чего здорово!

Потом мы увидели густую тучу черного дыма, а когда подлетели ближе, то поняли, что это город. Ух, и городище же это был! С одного боку тесно в ряд стояли корабли... "Уж не Нью-Йорк ли это", – подумали мы и принялись судить да рядить, но не успели оглянуться, как город уже ушел из-под нас и унесся назад, а мы очутились прямо над океаном, и штормовой ветер со страшной силой помчал нас вперед. Тут мы сразу опомнились, скажу я вам!

Кинулись мы на корму, подняли крик и стали умолять профессора повернуть обратно, высадить нас на землю и отпустить к родным, – ведь они так о нас беспокоятся, а если с нами что-нибудь случится, то могут просто помереть с горя; но он выхватил свой пистолет и погнал нас назад. Пришлось нам воротиться на прежнее место. Знал бы кто, каково нам было!

От земли теперь осталась одна тоненькая полоска вроде змейки-далеко-далеко, на самом краю воды, а под нами на сотни миллионов миль простирался бесконечный океан, с бешеным ревом вздымая огромные валы. Мелкие брызги рассыпались по гребням. Кое-где барахтались

одинокие жалкие кораблики. Они то накренились с борта на борт, то тыкались вверх носом или кормой. Вскоре и кораблей не стало, и теперь все небо и весь океан были наши. Никогда не видывал я места просторнее и пустынное.

ГЛАВА IV. БУРЯ

Кругом становилось все более мрачно и уныло. Над нами было огромное, бездонное небо, внизу простирался совершенно пустой океан – одни волны и больше ничего. Вокруг нас, там, где небо сходится с водой, было кольцо совершенно правильное круглое кольцо, и казалось, что мы застряли в самом центре – тютелька в тютельку. Хотя мы и неслись с бешеной скоростью, словно степной пожар, но все равно ни на дюйм не продвигались вперед и никак не могли выбраться из этого самого центра. Нас просто мороз по коже подирал – уж до того это было странно и непонятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.